

УДК 342

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:  
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ**

**Станкин А.Н.**

Статья посвящена анализу отдельных проблем конституционно-правовой ответственности, а также проблемам их реализации. В частности, рассматриваются разные подходы к определению понятия данного вида ответственности. Анализируются точки зрения относительно двухаспектности конституционной ответственности, то есть относительно позитивного и негативного ее начала. Рассматриваются общие и особенные черты конституционной ответственности. Автором исследуется взаимосвязь конституционной ответственности и политической ответственности, поскольку конституционное право наиболее тесно связано с политикой. Рассматриваются разные подходы к определению основания конституционного правонарушения, а также к определению состава конституционного деликта.

**Ключевые слова:** юридическая ответственность, конституционно-правовая ответственность, правонарушение, политическая ответственность, конституционный конфликт.

**THE CONSTITUTIONAL-LEGAL RESPONSIBILITY:  
SOME THEORETICAL ISSUES**

**Stankin A.N.**

The article analyses the problem of the constitutional legal responsibility and the issues of its realization. The author reviews different approaches to the definition of responsibility in particular; analyses the points of view according to the twin-problem of the constitutional responsibility, i.e. according to its positive and negative nature. The paper gives a review of general and specific issues of the constitutional responsibility; researches the interconnection between the constitutional and political responsibility as the constitutional right is closely connected with the politics. The author considers different approaches to the analysis of constitutional delict.

**Keywords:** legal responsibility, constitutional law responsibility, offence, political responsibility, constitutional conflict.

*Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-33-00017 «Комплексный, межотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права».*

Одной из самых дискуссионных в науке конституционного права является сфера конституционной или конституционно-правовой ответственности. Во многом это связано с тем, что в российском законодательстве конституционная ответственность не закреплена в абсолютно определенной форме [11].

Не случайно в науке в последнее время наблюдается повышенный интерес к данной теме. В том числе, защищаются кандидатские и докторские диссертации, появляются монографические работы, не говоря уже о многочисленных научных статьях. Но, справедливости ради, отметим, что далеко не все вопросы конституционно-правовой ответственности, рассматриваются исследователями в одном ключе.

Например, нет единства относительно природы данного вида ответственности. Или, выражаясь словами профессора Ж.И. Овсепян, имеет место проблема «отраслевой адекватности конституционной ответственности» [11].

Имеются разночтения относительно самого наименования данного вида ответственности. Так, отдельные исследователи дифференцируют конституционную и конституционно-правовую ответственность. При этом конституционная ответственность в их понимании исключительно та, что предусмотрена нормами самой Конституции. Ответственность, предусмотренная иными нормами конституционного права, является конституционно-правовой [7, с. 254]. Однако, в большинстве случаев

исследователями термины «конституционная ответственность» и «конституционно-правовая ответственность» понимаются как идентичные.

И.А. Умнова в сфере федеративных отношений выделяет публично-правовую ответственность, где «по объекту и объективной стороне публично-правовая ответственность охватывает не только отношения, регулируемые конституционным (государственным) правом, но и административным, финансовым, природно-ресурсным и иными отраслями права, связанными с регулированием компетенции законодательных и исполнительных органов государственной власти, их взаимоотношений с судебными и надзорными органами в процессе осуществления функций публичной власти» [23, с. 219-220].

Н.В. Витрук, указывает, что Конституция и конституционное право устанавливают основы частноправовой и публично-правовой ответственности, т.е. конституционные основы юридической ответственности, которые только должны найти адекватное выражение, конкретизацию и развитие в нормах отраслевого (текущего) законодательства. Поэтому конституционная ответственность как таковая, считает этот ученый, не может носить отраслевой характер: она имеет особую, обусловленную спецификой целей и функций, надотраслевую природу [2, с. 34-35].

Полагаем, что сторонники типологии ответственности на частно-правовую и публично-правовую исходят из глобального деления права на частное и публичное. Здесь следует отметить тот факт, что некоторые отрасли весьма условно можно отнести к частно-правовым. Например, в трудовом праве частно-правовое начало имеет место до момента издания приказа работодателем о приеме на работу. В остальном же взаимоотношения работодателя и работника трудно назвать равноправными.

Традиционно ряд исследователей связывают юридическую ответственность с противоправным поведением – правонарушением, влекущим за собой применение мер государственного принуждения и наказание. При

этом правомерные действия субъектов в понятие юридической ответственности не включаются [5].

Другие, напротив, считают, что юридическая ответственность имеет двухаспектную природу, т.е. выделяют позитивную и негативную юридическую ответственность [25, с. 265].

Если проанализировать решения Конституционного Суда, то можно сделать вывод, что он не исключает позитивную ответственность. В частности, в решениях Суда говорится об «ответственности главы государства за согласованное единство органов государственной власти» [16], «конституционной ответственности главы государства за деятельность Правительства» [14], «ответственности главы исполнительной власти субъекта деятельность исполнительной власти соответствующего субъекта» [16], «конституционной ответственности за выполнение актов публичной власти» [18] и т.д.

Напомним, что согласно правовой позиции, выраженной Конституционным Судом в одном из своих постановлений, наличие состава правонарушения является необходимым основанием для всех видов юридической ответственности, при этом признаки состава правонарушения, прежде всего в публично-правовой сфере, как и содержание конкретных составов правонарушений должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами юридической ответственности [17].

Таким образом, для признания деяния конституционно-правовым нарушением необходимо наличие всех элементов состава правонарушения.

Однако некоторые исследователи, характеризуя конституционный деликт, выделяют некоторые его особенности. По их мнению, главное, что оттеняет субъективную сторону неконституционного деяния – это необязательность вины [28, с. 8-13]. Отсюда закреплённая нормами конституционного права логическая конструкция состава конституционного

деликта может быть и несколько усеченной – в числе признаков составов большинства конституционных деликтов отсутствует такой элемент его состава, как вина. Соответственно, основанием конституционной ответственности выступает конституционный деликт с так называемым усеченным составом. Таким образом, считают они, если применительно к традиционным видам юридической ответственности в публичных отраслях права действует презумпция невиновности, то конституционная ответственность основывается на презумпции вины, что в особенности касается оценки деяний публичных властей и публичных должностных лиц [28, с. 8-13].

С одной стороны, есть логика в данном утверждении. Ведь имеются, предусматривающие, так называемое, объективное вменение. Например, согласно п. 2 ст. 62 Кодекса административного судопроизводства РФ [6], обязанность доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное лицо. Есть отступления от общеправового принципа презумпции невиновности и в других законах. Так, ст. 1079 ГК РФ в части презумпции вины владельца источника повышенной опасности. КоАП РФ по некоторым видам правонарушений допускает исключения из данного принципа в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

Однако, представляется, что конструкция конституционного деликта «с усеченным составом» или модель «ответственность без вины» слишком упрощает проблему конституционно-правовой ответственности.

Во многом проблемы идентификации конституционной ответственности связаны с тем, что авторы Конституции и законотворцы в ряде случаев

«убежали» далеко вперед от юридической науки. Если быть точнее, действующая нормативная основа конституционно-правовой ответственности, по большому счету, не имеет научного фундамента.

В поисках истины, или в поисках сущности данного вида юридической ответственности, ученые-конституционалисты все чаще рассматривают проблемы соотношения конституционной и политической ответственности. Более того, в конституционном праве используется термин конституционно-политическая ответственность [8].

Б.А. Страшун отмечает, что конституционная ответственность имеет более или менее политическую подоплеку, которая наиболее ярко проявляется при парламентарных и смешанных формах правления в характерном для этих форм институте парламентской ответственности правительства. При этом он указывает, что основания этой ответственности чисто политические, заранее не определенные; однако санкция (вотум недоверия или отказ в доверии) носит юридический характер и порождает юридические последствия, предусмотренные конституцией. В данном случае наличие деликта в качестве основания применения санкций не является обязательным [22, с. 73].

Думается, следует согласиться с мнением, что необходимо избегать превращения конституционной ответственности из правового института в инструмент политической борьбы [4].

Относительно мер конституционной ответственности в науке так же отсутствует единообразие мнений.

Например, О.Е. Уфаева в качестве мер конституционной ответственности выделяет: отрешение от должности; отмена незаконного решения органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ; роспуск Государственной Думы; досрочное прекращение полномочий законодательного органа; введение чрезвычайного положения на территории субъекта и другие [24, с. 87].

Если с такой санкциями, как отрешение от должности и досрочное прекращения полномочий законодательного органа можно согласиться, то с остальными из перечисленных, вряд ли.

Такая мера как отрешение от должности в законодательстве применяется в отношении Президента РФ и высшего должностного лица субъекта РФ.

Заметим, что большинство исследователей к мерам конституционной ответственности справедливо относят отрешение Президента от должности. Однако и здесь есть ряд вопросов. Порядок отрешения Президента от должности регламентируется ст. 93 Конституции. Согласно данной статьи, в процедуре отрешения задействованы обе палаты парламента, Верховный Суд и Конституционный Суд.

Соответственно, вопросы выдвижения обвинения регулируются регламентами палат парламента [15]; процедура дачи заключения о соблюдении процедуры отрешения Конституционным Судом регламентируется соответствующим федеральным конституционным законом [26].

Что касается Верховного Суда РФ, то Закон лишь обозначает его полномочие выносить заключение о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления при выдвижении Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления [15].

Однако в регламенте Верховного Суда нет даже упоминания о такой процедуре [19]. Очевидно, что принятию выдвижения обвинения и отрешению Президента от должности должны предшествовать сбор доказательств в том числе, опрос свидетелей, проведение экспертиз и т.д. Остается неясным, как специальная комиссия, образованная Думой, будет проводить данные мероприятия, поскольку законодательно данный вопрос не урегулирован.

Очевидно, что Президент, как и любой гражданин, имеет право на защиту. В том числе, право на дачу показаний, предоставление доказательств,

ознакомление с материалами дела и др. Эти и другие вопросы должны быть урегулированы законодательно.

Пока же весьма широкие полномочий Президента не сбалансированы возможностью привлечения его к ответственности.

Основаниями отрешения от должности главы субъекта являются:

– отрешение его от должности Президентом РФ в связи с выражением ему недоверия со стороны регионального парламента как за ненадлежащее исполнение им своих обязанностей, так и в связи с изданием им актов, противоречащих закону, или иным грубым правонарушением, если это повлекло за собой массовое нарушение прав и свобод граждан;

– отрешения его от должности Президентом в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. При этом основанием утраты доверия является несоблюдение антикоррупционного законодательства [4].

Как видим, основания отрешения изобилуют весьма аморфными формулировками «ненадлежащее исполнение», «грубое правонарушение», «утрата доверия» и т.п.

Неоднозначно и такое основание отрешения от должности главы субъекта, как выявление в отношении него фактов коррупции.

Безусловно, наличие таких фактов должно вести к немедленному реагированию правоохранительных органов, возбуждению уголовного дела и привлечению к уголовной ответственности. Однако обращает на себя внимание то, что Президент РФ выражает недоверие главе без вступления в законную силу приговора суда. Получается, что фактам коррупции регионального главы не дана надлежащая юридическая оценка, и о них Президент Российской Федерации узнает по сообщениям средств массовой информации, мнениям других политиков, жалобам населения и т.п. Определяющим в применении «коррупционного основания» отрешения от должности главы региона является не доказанные факты коррупции, а мнение Президента России о возможных коррупционных составляющих в деятельности руководителя субъекта РФ.

Получается, что недоверие главы Российского государства становится формой признания коррупции главы региона и не требует правовых оснований, несмотря на то, что коррупция является видом уголовно наказуемого деяния и предполагает неотвратимость наказания. Президент Российской Федерации не должен аргументировать юридически отрешение главы региона от должности, что автоматически, если следовать логике закона, приравнивается к наличию коррупционного факта в деятельности руководителя субъекта Федерации. Поэтому, по нашему мнению, принудительное прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации Президентом РФ в случае выявления в отношении него фактов коррупции следует считать мерой не юридической, а политической ответственности. Юридическая ответственность главы региона наступает тогда, когда он за «факты коррупции» (соответствующим образом квалифицированные) будет нести уголовное наказание [4].

Что касается отмены незаконного решения органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, то вряд ли данную меру государственного принуждения следует относить к мерам конституционной ответственности. Полагаем, что в данном случае орган власти субъекта не несет никаких неблагоприятных последствий, кроме как репутационных.

Относительно роспуска Государственной Думы. Такая мера возможна в случаях, предусмотренных Конституцией (п. 4 ст. 111, п. 3 и п. 4 ст. 117).

Согласно п. 4 ст. 111 Конституции после трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы.

Допустим, Президент представляет Государственной Думе кандидатуру на пост Председателя Правительства в лице одиозной личности. Дума отклоняет эту личность троекратно, следует ее роспуск. Вопрос: если это мера юридической ответственности, имеется ли здесь признак вины? Если имеется,

то в чем? В том, что Дума посмела воспользоваться своим конституционным правом?

Пункт 3 ст. 117 Конституции России связывает возможность роспуска Государственной Думы с повторным в течение трех месяцев выражением ею вотума недоверия Правительству РФ. При этом у Президента РФ есть альтернатива в виде возможности отправить в отставку Правительство РФ.

Возьмем еще одно основание – в случае отказа в доверии Правительству Государственной Думой при постановке вопроса о доверии Председателем Правительства РФ (ч. 4 ст. 117 Конституции РФ).

Если это мера юридической ответственности, то в чем вина Госдумы? К тому же ситуацию, когда «виновного» можно выбрать по своему усмотрению из двух участников конфликта, не вписывается в классическую теорию правонарушения и юридической ответственности.

Полагаем, в основаниях указанных трех возможных случаях роспуска Государственной Думы отсутствуют, как минимум, объективный и субъективный критерии правонарушения.

В теории юридической ответственности различают санкции юридической ответственности и меры защиты [25, с. 265]. Под мерами защиты понимаются охранительные правовые средства (одна из разновидностей государственного принуждения), применяемые в случае совершения правонарушения или наступления иных юридических фактов, преследующие цели предупреждения, пресечения регулирования, восстановления, а также обеспечения безопасности. Санкция-наказание – это структурный элемент правовой нормы, закрепляющий вид и меру негативного аспекта реализации ответственности субъекта, предусматривающий негативные последствия для правонарушителя в виде лишения материального, личного или организационного характера [10].

Дифференцируются данные явления на основании следующих характеристик: меры защиты закрепляются как в диспозиции, так и в санкции правовой нормы, а меры юридической ответственности только в санкциях правовых норм; меры юридической ответственности закреплены в особой

разновидности правовых норм – нормах юридической ответственности. Основанием применения мер ответственности выступает юридический факт правонарушения, а основанием применения мер защиты является как правонарушение, так и иные разновидности юридических фактов. Юридическую ответственность характеризуют такие признаки, как осуждение и наличие дополнительной обязанности, а при реализации мер защиты отсутствует осуждение и не возникает дополнительной обязанности. Меры юридической ответственности осуществляют карательную функцию, у мер защиты она отсутствует; юридическая ответственность реализуется только в процессуальной форме, а меры защиты как в процессуальной, так и вне ее [10].

Возможно, роспуск Государственной Думы следует отнести к «мерам защиты». Но возникает вопрос: что же «защищает» или от кого «защищается» явно доминирующий в системе органов власти Президент?

Очевидно, что в основе изложенных выше оснований роспуска Государственной Думы лежит конфликт, поэтому, представляется обоснованным рассматривать указанные взаимоотношения Государственной Думы, Правительства и Президента с позиций учения о конституционных конфликтах [2; 20; 27].

Т.М. Пряхиной под конституционными конфликтами понимает имеющие политико-правовую природу формы взаимодействия субъектов конституционных отношений, обусловленные необходимостью разрешения разногласий по вопросам признания, реализации, защиты интересов субъектов, представляющих ценность с точки зрения их социальной значимости [20].

П.А. Астахов конституционный конфликт определяет как «политический тип социальных конфликтов, который посредством конституционных процедур может быть трансформирован в юридически значимые, порождающие правовые последствия» [1, с. 95-96].

Вместе с тем необходимо отметить, что, во-первых, конституционные конфликты являются политическими конфликтами, т.е. возникают в той или иной степени по поводу государственной власти. Именно политическая

природа основания конституционно-правового принуждения не позволяет сводить его исключительно к правонарушению. Во-вторых, наличие особого властного конституционно-правового статуса у одного из участников конфликта. В-третьих, конституционным конфликтам не обязательно присущи свойства противоправности и виновности. Например, отрешение от должности Президентом Российской Федерации высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации не обязательно связано с противоправным либо виновным поведением высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Причиной тому может служить политическая целесообразность, иначе – возникший конституционный конфликт между федеральной и региональной властью [3].

Закон допускает принятие решение главой субъекта РФ о досрочном прекращении полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации [21]. Условия: во-первых, принятие данным органом Конституции (Устава) и закона субъекта Российской Федерации, иного нормативного правового акта, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, Конституции (Уставу) субъекта Российской Федерации; во-вторых, такие противоречия установлены соответствующим судом; в-третьих, законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации не устранил их в течение шести месяцев со дня вступления в силу судебного решения.

Считаем, что в данном случае уместно говорить о конституционной ответственности, т.к. в наличие совокупность всех элементов состава данного вида ответственности. Более того, региональному парламенту дается шанс привести все в соответствие с законом либо обратиться в соответствующий суд.

Еще одним основанием принятия главой субъекта решения о досрочном прекращении полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта главой субъекта является непроведение последним в течение трех месяцев подряд заседания. Причем данный факт должен быть подтвержден решением соответствующего суда [21].

Представляется, что в и данном случае основанием роспуска регионального парламента является конфликт политического характера.

Отнесение введения чрезвычайного положения к мерам конституционно-правовой ответственности представляется необоснованным. Как справедливо отмечается в литературе, те меры, которые применяются в условиях чрезвычайного положения, носят временный характер, и законодатель не называет их мерами юридической ответственности, кроме того, неблагоприятные последствия в режиме чрезвычайного положения (причины введения которого могут быть и объективными), несут субъекты не причастные к его введению [10]. А принцип вины, как известно, является обязательным условием наступления юридической ответственности.

Очевидно, что вследствие отсутствия в законодательстве четких критериев конституционно-правовой ответственности, дискуссия относительно ее природы будет вестись еще очень долго.

С одной стороны, ценность науки в том, что здесь возможны и даже необходимы различные точки зрения. Перефразируя одного из политиков, наука – это место дискуссии. Но, на наш взгляд, она не должна вестись в отрыве от общей теории правонарушений и юридической ответственности.

### **Список литературы:**

1. Астахов П.А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения (теоретико-правовое исследование): дис. ... д.ю.н. М., 2006.
2. Витрук Н.В. Конституционная ответственность: вопросы теории и практики // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. С. 34-35.

3. Володько И.А. К вопросу о понятии конституционно-правового принуждения // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 7-10.

4. Гарипов Р.Ф., Зазнаев О.И. Политическая ответственность главы региона в современной России // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 50-53.

5. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 314-318.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 02.06.2016) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

7. Кравец И.А. Формирование Российского конституционализма (проблемы теории и практики). М. – Новосибирск, 2002.

8. Кравец И.А. Юридические процедуры и политические мотивы реализации мер конституционной ответственности (проблемы и перспективы) // Конституционное право и политика: Сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2012.

9. Липатов Э.Г. Компетенция органов власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества / Под ред. В.В. Володина. Саратов, 2009.

10. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. О санкциях конституционной ответственности и мерах защиты // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 15-18.

11. Овсепян Ж.И. Критерии конституционной ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2001. №4.

12. П. 3 Мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 2.

13. П. 3 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ

РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

14. П. 8.2. мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

15. Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 26.02.2016) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801; Постановление СФ ФС РФ от 30.01.2002 № 33-СФ (ред. от 10.02.2016) «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 6.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации

от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

20. Пряхина Т.М. Конституционные конфликты // Государство и право. 2004. № 11. С. 19-25.

21. Ст. 9 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

22. Страшун Б.А. К понятию конституционной ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран: Сб. ст. / Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2001.

23. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000.

24. Уфаева О.Е. Конституционная ответственность органов и должностных лиц Российского государства и правовая культура // Правовая культура. 2010. № 2.

25. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций. Казань, 1987.

26. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

27. Худойкина Т.В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование): дисс. ... д.ю.н. Нижний Новгород, 2002.

28. Червонюк В.И., Артюхов Ю.С. Современная концепция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 8-13.

**Сведения об авторе:**

Станкин Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

**Data about the author:**

Stankin Aleksey Nikolayevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Theory of State and Law Department, Togliatti State University (Togliatti, Russia).

**E-mail:** [ans77@list.ru](mailto:ans77@list.ru).